

ГЛАВА 1

Окна дворца в Прудах сияли огнями. Звуки оркестра, вырываясь наружу, плавно кружились над пышными газонами, клумбами, среди деревьев старого парка, над замершей ширью прудов, рассыпаясь отдаленными отголосками в полях.

Впервые за много лет в Прудах давали большой бал. Поводов для этого было два. Пани Матильда Тынецкая отмечала шестьдесят прожитых лет. Она праздновала этот день так торжественно и шумно еще и потому, что приехал ее сын, который наконец-то решил вернуться в родные края, поселиться здесь и управлять принадлежащим ему имением, Прудами.

За последние шесть лет он не был тут ни разу. Скитался по свету, не задерживаясь подолгу ни в одном университете, прослыл неисправимым кутилой, попадал в скандальные истории, отзвуки которых долетали даже сюда, в Польшу, и пани Матильда с трудом сдерживала гнев.

— Можешь мне поверить, Кейт, — говорила она племяннице, — во всем этом наверняка много преувеличений. В сущности, Роджер — хороший юноша.

Но даже в этих оправданиях легко угадывался гнев тети Матильды. Об этом убедительно свидетельствовало уже то, что она называла единственного сына Роджером вместо обычного прозвища — Гого. Кроме того, ее мягкое, наполненное теплотой «Ке-е-ейт» в минуты гнева заменялось коротким и острым «Кэйт». Кейт была достаточно воспитанной и утонченной натурой, чтобы это почувствовать.

Пани Матильда, в свою очередь, побаивалась, чтобы Гого не произвел плохого впечатления на ее воспитанницу. В душе она давно избрала ее женой для сына. И вовсе не потому, что для него не нашлось бы лучшей партии. Благодаря богатству, знатному происхождению, наконец, светской репутации и привлекательности он мог бы рассчитывать на какую угодно спутницу жизни. Кейт Помянувна не имела за душой ни гроша. Но если уж старая, умудренная опытом пани Матильда избрала ее своей невесткой, будущей графиней и хозяйкой в Прудах, то сделала она это не без основания. Графиня считала племянницу почти совершенством, и так думала о Кейт не только она.

Во всем имени, во всех Прудах, во всей округе не было ни одного человека, который не смотрел бы на Кейт с восхищением. Как женщины, так и мужчины (в том числе и конторские служащие, и простые работники), как те, кто знал ее еще пятилетним ребенком, когда Кейт привезли в Пруды, так и те, кто увидел ее в первый раз, — все неизменно выражали восторг, а если удивлялись, то только тому, что нельзя обнаружить ни малейшего недостатка ни в ее внешности, ни в характере, ни в умственных способностях. Было только одно существо, которое не считало эту девушку совершенной, и этим существом была сама Кейт.

Вот почему пани Матильда дрожала от одной лишь мысли о том, что этот бриллиант, эта взлелеянная в ее мечтах наследница Прудов, образованием и воспитанием которой графиня занималась много лет, достанется кому-то другому или, еще хуже, что Гого, этот легкомысленный повеса, не сумеет оценить ее. До двадцати восьми лет вращаясь в кругах праздной молодежи, он мог утратить изысканный вкус и просто пройти мимо прекрасной Кейт.

Однако опасения пани Матильды оказались напрасными. Кейт и на этот раз победила, победила, едва взглянув на Гого. Когда три недели назад он впервые увидел ее за столом, Гого просто не сумел скрыть, что поражен. Молодой человек смущался, корчил смешные мины, что-то лепетал себе под нос, произнес несколько нелепостей и не отрывал взгляда от кухни. Через пару дней он, правда, взял себя в руки, но от его развязности не осталось и следа.

Сейчас Роджер танцевал только с Кейт. Пани Матильду не смущало то, что гости обращают внимание на Гого и ее племянницу, но тем не менее она сочла нужным сделать сыну замечание:

— Гого, многие девушки скучают в одиночестве. Ты не должен приглашать только Кейт.

— Мама, — шепотом ответил он, — я... я люблю ее.

Старая пани поднесла лорнет к глазам.

— О?.. Ты считаешь, что это только твоя тайна?

Роджер пожал плечами.

— Я не собираюсь ничего скрывать. Могу сказать об этом всем и каждому.

— Я считаю, что ты поступишь разумно, если признаешься в этом Кейт, — с легкой иронией ответила пани Матильда и отошла к группе пожилых женщин.

Вскоре, увидев, что Роджер выходит с Кейт на балкон, она подумала: «Ну наконец-то!»

Но тут же в ее душе шевельнулась тревога: а что, если Кейт откажет ее сыну?.. И сразу же графиня успокоила себя. Это было абсолютно исключено. Такая девушка, как Кейт, с ее безупречным тактом и благородными манерами, ни за что не допустила бы чьих-либо признаний, если бы не решила их принять. Ей уже девятнадцать, а жизнь она понимает не хуже взрослой женщины.

И старая пани не ошиблась. Кейт, направляясь вместе с Роджером на балкон, уже знала, что кузен попросит ее руки, и была готова ответить ему согласием. Была готова, хотя чувства, которые она к нему испытывала, не казались ей похожими на любовь. Нет, она не была влюблена в него. Кейт испытывала

к Гого нежность, симпатию, за три прошедших недели он сумел понравиться ей, она оценила добродетели, которыми он обладал: искренность, непосредственность, широту взглядов и чувство собственного достоинства. Но она готова была стать его женой не благодаря этим качествам, а просто потому, что догадывалась о желании тети Матильды, которой была обязана своим благополучием: и материальным, и моральным. Кроме того, Кейт понимала, что Гого для нее выгодная партия.

Роджер встал рядом с ней и, теряя самообладание, произнес дрожащим голосом:

— Я люблю тебя, Кейт, как никогда никого не любил, люблю больше, чем самого себя. Стань моей! Не женой ты мне будешь — ты будешь моей королевой... Кейт!.. Умоляю, не откажи мне... Это было бы смертью для меня! Кейт! Ответь... скажи... Ты не оттолкнешь меня?

— Нет, Гого, — тихо произнесла она.

От нахлынувшего счастья у Гого перехватило дыхание. В первый миг он хотел крепко прижать девушку к груди, но у него не хватило смелости. Кейт стояла перед ним — светлая, стройная, с доброй и умной улыбкой, в которой светилась тихая нежность. Ее волосы цвета золотистой соломы, тщательно причесанные и спадающие длинными локонами, придавали лицу детское выражение, а сапфировые глаза смотрели просто, проникновенно и смело. И Роджер понял: он не напрасно сказал ей, что она будет его королевой.

Кейт первая протянула ему обе руки. Он, целуя их, порывисто шептал:

— Боже, как я счастлив! Кейт! Касенька, моя дорогая! Единственная... Я осыплю тебя бриллиантами, цветами... Свет будет удивлен, ослеплен!.. Я умру от гордости, что у меня такая жена!.. Кейт!.. Обожаю тебя, преклоняюсь перед тобой...

— Панна Кася, — услышали они вдруг встревоженный голос. — Вы здесь, панна?

На балкон вбежала горничная Герта и крикнула:

— Быстрее, панна, Михайлинке опять плохо! Она еле дышит!

— Хорошо, сейчас иду, — повернулась к ней Кейт. — Прости, Гого. Я должна сделать бедной Михайлинке укол камфоры.

Кейт быстро пересекла салон, где несколько десятков пар танцевали краковяк, прошла через комнаты к буфету, где находилась аптечка. Последние несколько дней девушка часто открывала ее. Старая добрая Михайлина, которая была когда-то кормилицей и няней Гого, неизменная ключница в имении, захворала тяжелой сердечной болезнью.

В буфетной царили беспорядок и неразбериха. Один за другим сюда вбегали лакеи со звенящей на подносах посудой, наливали большие кувшины клюшона, оранжа, наполняли хрустальные вазы фруктами и сладостями. Здесь же пан Матей планировал, как разместить гостей и приехавших с ними слуг по комнатам и во флигеле; склонившись над списком прибывших, он то и дело отрывался от него, чтобы дать новые распоряжения и выдать очередные пачки свечей.

Пан Матей занимал должность приказчика, но на самом деле выполнял в Прудах тысячу разных функций. Он выдавал зарплату, его посылали делать важнейшие закупки, он ездил в Познань улаживать всевозможные официальные дела, присматривал за прислугой в имении, а во время больших приемов становился чем-то вроде дворецкого, поскольку пани Матильда доверяла ему полностью во всем. Пан Матей был сыном Михайлины и молочным братом Роджера. Уже это гарантировало ему безбедную жизнь в Прудах до скончания дней.

Доставая из аптечки шприц, ампулы и эфир, Кейт напомнила:

— Пан Матей, не забудьте поставить вторую кровать в четырнадцатую комнату.

— Хорошо, панна. Я помню.

— А сейчас, может, вы заглянете к своей маме? Я иду делать ей укол. Бедняжке опять плохо.

— Спасибо, панна. Но сейчас я занят. С вашего позволения, я зайду позже.

Исполнительный, вежливый и услужливый, Матей был к тому же натянут, точно струна, в своих высоких сапогах, зеленых брюках и пиджаке.

Сразу из буфетной крутая лестница вела на второй этаж, где находились комнаты для слуг. Кейт пробежала по длинному